

Он — Калигула, император римский; он же — Гамлет, принц датский; он же — Бронька Пулков, алкоголик советский... Он же — Виктор Авилов, ведущий актер Театра на Юго-Западе.

Гамлет в его исполнении покориł сердца консервативных англичан и очень разборчивых к инородной культуре японцев. Фильмы с его участием закуплены и прокатываются на Западе. С Виктором АВИЛОВЫМ беседует Александр ПОГОНЧЕНКОВ.

но, то она у нас, впрочем как и все революции, происходит с перегибом, а потом еще с загибом непонятно куда. Все хорошо в меру, без ханжества и без излишеств.

— А если говорить о политической крамоле? Ведь в 1984 году за вашим театром закрепила репутация бунтарского. Его ставили в один ряд с диссидентскими сходками, с КСП того времени...

— Самое странное, что на нас какого-то особого гонения не было. Однажды на «Дракон» по пьесе Шварца

ского», чем-то напоминает онаниста. Он сидит в зале и с замиранием сердца ждет: вот-вот оно прозвучит... И заходит в экстазе, когда слышит то, за чем пришел. Причем он отлично знает, что ничего нового для себя не услышит. Политикой нужно заниматься профессионально либо не заниматься вовсе... А говорить — это просто, к сожалению, гораздо проще, чем делать. Я уже окончательно разучился верить словам, только делам. А их-то пока нет... Я не берусь ни-

рот: в шапке-невидимке Дракон. А любой Ланселот приходит открытым и беззащитным. Но я все равно верю, что нашего Дракона ждет возмездие, спасти его может только одно — всеобщая гибель, к которой он ведет страну...

— Виктор, была ли у вас такая роль, про которую вы могли бы сказать, что она полностью соответствует вашему характеру?

— Самого себя мне играть не приходилось. Но роли, про которые я могу сказать,

● У НИХ, НА ЮГО-ЗАПАДЕ

ДАЖЕ МАТЕРИТЬСЯ НАДО ПРОФЕССИОНАЛЬНО

— Как получилось, что вы стали актером?

— Как сказано у Шекспира: «...Есть, стало быть, на свете существо, устраивающее наши судьбы по-своему...». Одним словом, это провидение. Такой цели, как стать артистом, я перед собой никогда не ставил, иначе наверняка попробовал бы поступать в театральный. А так у меня образование весьма далекое от сценического — техник контрольно-измерительных приборов и аппаратуры. Впрочем, после возвращения из армии мне пришлось сменить множество специальностей. Я считался злостным «летуном» — ни на одном месте не работал больше года. Театр на Юго-Западе считался тогда самодеятельным, и там мы играли в свободное время. В этот театр я пришел благодаря братьям Беляковичам, с которыми был хорошо знаком с детства. Помню, приходили в санаторий или пансионат и говорили, что мы — театр-студия из Москвы, у нас есть спектакль, который мы готовы играть где угодно, лишь бы метрах в тридцати была хоть одна розетка. Говорили, что играем за две вещи — за «повесть» и за «переночевать»... Принимали, как правило, хорошо.

— Это было десять с лишним лет назад. Театр уже давно признан и считается профессиональным. Прошел ряд фильмов с вашим участием. Часто ли вас узнают на улицах?

— На улицах узнают, да. Но как! Бывает, просто подойдут, поздороваются... А порой какой-нибудь не слишком трезвый товарищ без всяких обиняков хлопает по плечу с криком: «Здорово, ё...-таты!» Словно я — его кореш, сидевший с ним чуть ли не на одних нарах. И хорошо, если картина понравилась, если нет — труба. Больше всего подобных эксцессов было после фильма «Господин оформитель»...

— Сказалась ли наступившая в 1985 году оттепель на репертуаре вашего театра?

— Смотря что под этим понимать. Если речь идет о матери на сцене, то он хорош лишь к месту. Матом-то надо уметь ругаться. Иной мужик такую фразу залепит, что на нормальный русский ее просто невозможно перевести... Что до сексуальной революции на сцене и в ки-

известный танцор Валерий Васильев произнес: «Как они вас еще не разогнали?» А потом добавил: «Наверное, потому, что вы на окраине, до вас просто еще не доехали»... И глазил — сразу же после этого у нас сняли спектакль «Носороги», причем с шикарной формулировкой: «как отрицающий всякую идеологию». А вообще-то мы никогда не отбирали пьесы по «крамольности». За по-

кого осуждать, просто политика — это не мое...

— А можно ли вообще, живя в России, оставаться вне политики?

— К сожалению, нет. Вот, к примеру, спрашиваю свою дочь Ольгу: «На чем вы спите в детском саду?» — «На раскладушках без подушек», — отвечает. Так вот, дали бы мне волю и поставили бы передо мной Саддама Хусейна и того чиновника, по чьей

что это — мое, были. Например, Гамлет. Мне понятно каждое его действие, каждая сцена, каждое слово... А вот Калигулу я не понимаю, хотя играю с большим удовольствием. Ну зачем нужно подходить к патрицию, засовывать ему в рот яд и еще заставлять его разжевывать. Это как-то не по мне...

— Не трудно ли перебраться с Гамлета на Остапа Бендера, тем более в современной трактовке?

— Ну, мы всю жизнь перебираемся. Что до Бендера, то он всегда Бендер. К тому же в сценарии фильма «Остап Бендера в народные депутаты!» образ великого комбинатора удалось сохранить целостным. Плюс ко всему — эта роль мне очень нравится. В конце концов он отказывается от депутатского мандата, а жаль... Было бы у нас побольше Бендеров, не сидели бы мы сегодня в такой луже. Ведь Остап Бендер — это толковый, оборотистый предприниматель, жуликом его делает наша действительность...

— Виктор, вы в этом фильме выступаете еще и как режиссер, с чем это связано?

— Это непростой вопрос. Дело тут в моем личном отношении к кино. Я ведь прежде всего театральный актер, и кино для меня вторично. Мне не нравится, как снимается у нас кино. Фильм, который спокойно можно снять за три недели, снимается в течение полугода. Неорганизованность дикая. Каждый считает себя великим творцом: операторы, осветители и прочие. Я считаю, что самый лучший профессионал — это тот, чье присутствие на площадке просто незаметно, видно лишь его дело. Не хочу переходить в данном вопросе на личности. Скажу только, что самым лучшим оператором, с которым мне приходилось работать, был Валерий Федосов, к сожалению уже ушедший от нас. Поэтому я хочу попробовать сам и убедиться, возможно ли в принципе нормально работать в этой стране...

— Вы верующий?

— Да, но не фанатично. Я верю в Христа, в потусторонний мир, в загробную жизнь. И самое главное — верю, что каждому в конце концов воздастся по заслугам...

Фото Валерия ЛЕВИТИНА.

следние пять лет мы сделали десять спектаклей, из них только один из ранее запрещенных. Вообще есть искусство политизированное, а есть просто искусство.

— Вы сторонник последнего?

— Можно сказать, что да... Понимаете, человек, входящий на спектакль для того, чтобы услышать со сцены «чего-нибудь политиче-

милости с детьми происходит такое, то я бы Хусейна отпустил, а того, второго, расстрелял. Дети нищенствуют, а они на черных «Волгах» разъезжают... Ужас нашей системы в том, что она обезличена. Если в «Дракон» Шварца у Ланселота есть меч, копьё, ковер-самолет и шапка-невидимка и для чудовища в решающий момент он не виден, то у нас наобо-